

Анни Безант

Исповедь

Анни Безант

Исповедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22099321

Аннотация

«Среди мемуаров и автобиографий, знаменующих своей многочисленностью конец века, новая книга Анни Безант, известной общественной деятельницы в Англии, обращает на себя особое внимание. Подобно дневникам выдающихся людей, живущих жизнью своего века, автобиография Анни Безант представляет собой красноречивую страницу психологии времени. Будущий историк переживаемой нами эпохи не пройдет мимо этой правдивой исповеди, так просто рисующей духовную жизнь выдающейся по уму и душевной силе женщины. Психологический интерес этого «document humain» может сравниться только с другой женской автобиографией, дневником Марии Башкирцевой, так сильно волновавшим умы несколько лет тому назад...»

Содержание

Предисловие	4
Предисловие автора	12
Глава I	14
Глава II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анни Безант

Исповедь

Предисловие

Среди мемуаров и автобиографий, знаменующих своей многочисленностью конец века, новая книга Анни Безант, известной общественной деятельницы в Англии, обращает на себя особое внимание. Подобно дневникам выдающихся людей, живущих жизнью своего века, автобиография Анни Безант представляет собой красноречивую страницу психологии времени. Будущий историк переживаемой нами эпохи не пройдет мимо этой правдивой исповеди, так просто рисующей духовную жизнь выдающейся по уму и душевной силе женщины. Психологический интерес этого «document humain» может сравниться только с другой женской автобиографией, дневником Марии Башкирцевой, так сильно волновавшим умы несколько лет тому назад.

Мария Башкирцева и Анни Безант представительницы различных течений одного и того же времени, они с одинаковой полнотой и искренностью отражают различные стороны современности, одинаково полны сознания своей силы и веры исключительно в голос собственной души. Мария Башкирцева одна из первых отразила новые настроения, совме-

щающие крайний скептицизм с идеалистическими и отчасти мистическими порывами; её дневник был исходным пунктом тех сложных литературных и эстетических движений, которым присвоена условная, ничего не объясняющая кличка декадентства. Та же психологическая подкладка чувствуется во всей деятельности Анни Безант и отражается в её автобиографии. Борьба противоречивых стремлений, контрасты веры и безверия перенесены у неё из области чисто психологической, в интеллектуальную; ее занимают не нюансы настроений, а истина тех или других убеждений, она полна не культом самой себя, а какой-то стихийной любовью к человечеству, жадой подвигов самопожертвования. Но перипетии её духовной борьбы, тревожное искание новых форм, соответствующих глубине её порывов – все это роднит, сильную личность английской проповедницы и агитаторши с артистическим темпераментом Башкирцевой. Обе они сильно и глубоко отразили характер нашей переходной эпохи – жадность веры и потребность любви с одной стороны, и с другой – неспособность согласовать свои душевные порывы ни с одной из существующих религиозных или философских форм, неспособность к цельной, не знающей колебаний, деятельности.

Анни Безант сильно занимает собой внимание английского общества за последние двадцать лет и имя её связано с столь противоположными явлениями общественной жизни, что, казалось бы, участие в одном исключает возможность

связи с другим. Будучи женой англиканского пастора, за которого она вышла замуж из симпатии к его священнической миссии, она через несколько лет открыто порвала всякие связи с церковью и примкнула к атеистическому движению, во главе которого стоял знаменитый Брэдлоу. Навлекая на себя всеобщее негодование и жертвуя не только положением в обществе, но своими материнскими чувствами, Анни Безант выказала последовательность своей натуры и не остановилась перед практическими последствиями своих новых убеждений. Верная помощница Брэдлоу в тяжелые дни его политической карьеры, она была руководительницей массовых движений, связанных с пропагандой материализма и обнаружила нравственное мужество, близкое к героизму, в своих столкновениях с обществом. Но в самый разгар деятельности Брэдлоу, Анни Безант внезапно – так это могло по крайней мере показаться публике и даже друзьям пламенной атеистки – сняла с обложки журнала Брэдлоу свою подпись и в следующем номере журнала печатно заявила о новой перемене своих убеждений, о своем несогласии с учением материалистов. Очень скоро после этого она сделалась деятельным членом социалистических ассоциаций, примкнула к «фабианскому обществу» (Fabian Society) и вся ушла в практическую деятельность, руководясь при этом определенными экономическими теориями. Этот фазис её жизни был столь же преисполнен любви к людям и готовностью служить им, как предыдущие ступени её духовного развития, и

её сильная, талантливая личность положила глубокий отпечаток на социалистическую пропаганду в период её участия в ней.

Но социализм был у Анни Безант такой же переходной ступенью как и атеизм. В 1889 г., в Париже, она познакомилась с временно жившей там Е. П. Блаватской; увлеченная сначала её личным обаянием, она ближе познакомилась с её учением и нашла в теософии разрешение тех душевных сомнений, на которые не находила ответа ни в англиканстве, ни в учениях материалистов и экономистов. Теософия – последнее учение, в которое уверовала Анни Безант и которому остается верна до сих пор. Прежняя проповедница радикальных политических теорий, громившая перед собраниями в много тысяч людей эксплуатацию капиталистического строя, призывавшая к открытому возмущению, продолжает и теперь выступать перед тысячной толпой; её выдающийся ораторский талант, искренность и убедительность её речей до сих пор привлекают толпу слушателей на устраиваемые ею чтения и собрания. Но общий тон её проповедей изменился вместе с изменившимся содержанием; не в экономических теориях видит она спасение человечества, а в углублении человека в самого себя. Восторженная любовь к свободе сменилась верой в неумолимую «карму», и Анни Безант ездит по всем странам, где господствует английская речь, проповедуя аскетическое отношение к жизни и излагая основы учения махатм. Усердная сподвижница Блаватской

при жизни последней, преданная делу до фанатизма, Анни Безант сделалась преемницей Блаватской после её смерти. В настоящее время она состоит председательницей лондонской ветви теософического общества (Blayatsky Lodge), заведует филантропическими делами общества и сосредоточивает все духовные силы на пропаганде теософии пером и словом, в особенности словом, которым она владеет в таком совершенстве.

Достигла ли Анни Безант конечного фазиса своей душевной жизни в теософии, этого, конечно, предвидеть нельзя, несмотря на убежденность, с которой она говорит теперь о найденном ею пути к истине. Нельзя усумниться в искренности теософических воззрений Анни Безант, но можно надеяться, что они уступят место иному мирозерцанию, идеализм которого не нуждается в таких подтверждениях, как падающие с потолка письма, явления астральных тел и т. п. Эту надежду ценителей и доброжелателей Анни Безант разделяет Гладстон, посвятивший большую статью разбору её автобиографии. «Будем надеяться, говорит он, «ради неё самой, что м-сс Безант совершит полный круг верований и закончит где-нибудь вблизи пункта, из которого вышла»».

Автобиография Анни Безант дает внутреннюю историю поразительных метаморфоз, пестрящих её жизнь. У поверхностных наблюдателей человеческих поступков, эти частые и странные переходы вызывали лишь недоверие к силе характера Анни Безант, снисходительное пренебрежение к её

женской слабости и податливости; высказывались даже мнения о том, что лишенная инициативы проповедница увлекалась прежде всего людьми, стоящими во главе того или другого движения, и следуя за ними, делалась послушным орудием в их руках. Конечно, мысль о пассивности Анни Безант исчезает при первом знакомстве с ходом её жизни – не женская слабость, а героическая стойкость в поисках истины нужна была для того, чтобы так бесстрашно идти против общественного мнения в вопросах веры и нравственности, как это делала женщина, начавшая свою оппозиционную деятельность с двадцати-пяти лет. Не под чужими влияниями складывалась её умственная жизнь – это ясно видно из того, что первые и решительные сомнения в истинности церковных учений возникли у неё среди пиетистической обстановки её семейного очага; только пройдя наедине с самой собой тяжкий путь колебаний и сомнений и утратив окончательно веру, она стала искать людей, которые разделяли её изменившиеся взгляды. То же самое происходило и в позднейшие моменты разочарований и переходов, от которых она сама страдала больше всего, не считая себя, однако, в праве поступиться истиной, ради внешнего покоя. Нечто более глубокое, чем внешние влияния или поверхностное шатание незрелого ума, лежит в основе жизни Анни Безант. Она ярко и полно отразила в себе контрасты, уживающиеся в современной душе и вносящие тревогу не только в душевную, но и в умственную жизнь.

Автобиография Анни Безант освещает шаг за шагом все трудности пройденного ею пути, и в её простом и искреннем изложении, история её сомнений и исканий становится близкой и понятной современному читателю. Много людей с чуткой душой проходили через пережитые ею фазисы духовной жизни, но редко кто имел мужество согласовать свою жизнь с внушениями души и, прислушиваясь только к голосу собственной совести, неуклонно следовать по пути познанной истины, как бы к этому ни относились окружающие.

Книга Анни Безант встречена была английской критикой теми разноречивыми отзывами, которыми в большинстве случаев встречаются произведения, носящие отпечаток сильной индивидуальности. Одни поняли её современный характер и приветствовали искреннее отражение близких каждому настроений и мыслей; другие оставались слепыми к внутренним мотивам, раскрытым автором, и имея в виду только факты, называли бесхарактерностью и умственной слабостью то, что в сущности составляет доказательство героической силы характера. К критикам Анни Безант присоединился несколько месяцев тому назад Гладстон, написавший в «Nineteenth Century» статью по поводу её автобиографии¹. Статья эта решила судьбу книги, сделавшейся сразу знаменитой, как все, о чем обмолвится хоть одним словом Гладстон. Характерно, что при всей цельности и положи-

¹ True and false conceptions of the Atonement. By the Right Hon. W. E. Gladstone, M. P. (Nineteenth Century September 1894).

тельности своего мирозерцания, Гладстон поднимает свой авторитетный голос в защиту книг, весьма далеких, казалось бы, от его душевного мира. Он ввел в моду, если можно так выразиться, дневник Башкирцевой в Англии; теперь он выступил со статьей о м-сс Безант. Есть значит нечто стихийное в течениях времени, если отражение их проникает даже в сознание людей, далеко стоящих от самых течений, но чутких к явлениям окружающей жизни.

Статья Гладстона носит совершенно специальный характер. Автор восстает против взгляда Анни Безант на учение англиканской церкви об искуплении Иисусом Христом грехов человечества. Он доказывает неосновательность её критики учения церкви и вдается в рассуждения чисто догматического характера. Все его доказательства направлены на защиту одного пункта, смущавшего Анни Безант и приведшего ее к разрыву с церковью. Но прежде чем войти в подробности догматического характера, Гладстон дает в нескольких словах общую характеристику автобиографии: «Книга эта», говорит он, «представляет большой интерес. Она внушает симпатию к автору, не только как к человеку высоко одаренному, но как к искателю правды, хотя, к сожалению, в одном пункте рассказа рассуждения её вызывают неприятное впечатление». Последние слова относятся к спорному вопросу о согласовании невинных страданий Христа с представлением о справедливости Бога.

Предисловие автора

Трудно передать историю чьей бы то ни было жизни, но это становится еще гораздо более трудным, когда дело идет о собственном жизнеописании. Даже в лучшем случае рассказ будет носить отпечаток тщеславия. Единственным оправданием для такого рода описаний служит то, что жизнь человека среднего уровня отражает в себе много других жизней и в столь тревожное время, как наше, может представить собой опыт не одного, а нескольких жизнеописаний. Таким образом, пишущий автобиографию, делает это для того, чтобы ценой известного страдания пролить свет на некоторые из задач, беспокоящих современников; быть может, ему удастся тем самым протянуть руку помощи брату, борющемуся в темноте, и ободрить его в момент упадка духа. Все мы, мужчины и женщины, беспокойного и чуткого поколения, окружены силами, которые смутно сознаем, но не понимаем, недовольны старыми идеями и несколько боимся новых, жадно набрасываемся на материальные результаты знаний и науки, но вопросительно глядим на её отношение к душе, чуждаемся суеверий, но еще более чуждаемся атеизма, отворачиваемся от пустых оболочек, пережитых верований, но чувствуем непреодолимое стремление к духовным идеалам. Все мы испытываем ту же тревогу, те же страдания, так же полны смутных надежд и страстной жажды знания. Поэтому

возможно, что опыт одной из нас может послужить на пользу другим; возможно, что история души, которая вышла в путь одна, среди мрака, и пришла к свету, преодолела бурю и пришла к миру, сможет внести проблеск света и успокоения в мрак и бурю других жизней.

Глава I

«Из вечного в преходящее»

1-го октября 1847 г., как мне достоверно известно, я впервые открыла глаза и узрела свет лондонского дня в 5 ч. 39 м. пополудни.

Мне всегда неприятно вспоминать, что я родилась в Лондоне, между тем как три четверти моей крови и все мое сердце принадлежат Ирландии. Мать моя была чистокровная ирландка, отец же был ирландцем по матери, а по отцу принадлежал к Девонширской семье Вудов. Вуды принадлежали к коренному типу английских фермеров, и заведовали своей землей честным и независимым образом. В позднейшее время они начали тяготеть к интеллектуальным занятиям, особенно с тех пор, как Матвей Вуд избран был лондонским мэром и сражался на стороне королевы Каролины против её благочестивого и милостивого царственного супруга; он же оказал существенную помощь герцогу Кентскому и возведен был за свои услуги в баронство царственной дочерью, герцога Кентского. С тех пор род Вудов дал Англии лорда канцлера в лице благородного и чистого душой лорда Гэтерлэ, и многие другие члены семьи отличались на разных путях служения отечеству. Но я все-таки не могу преодолеть некоторой досады на них за то, что они внесли английскую кровь

в жилы моего отца, имевшего мать ирландку, родившегося на севере Ирландии и воспитавшегося в Дублинском Trinity College. Ирландский язык звучит особой гармонией для моих ушей, ирландская природа особенно близка моему сердцу. Только в Ирландии случается, что истомленная, одетая в лохмотья женщина ответит вам ласково на вопрос как пройти к какому-нибудь старому памятнику: «Вот, родная», скажет она, «поднимись только на пригорок и заверни за угол, а там тебе всякий укажет дорогу. И там ты увидишь место, где блаженный святой Патрик ступил на нашу землю, и да благословит он тебя». В других странах, старые женщины, при такой нищете, не бывают такими веселыми, приветливыми и разговорчивыми. И где, кроме Ирландии, увидите вы население целого города, высыпавшее на вокзал, чтобы попрощаться с полудюжиной переселенцев, и образующее сплошную массу мужчин и женщин, которые снуют взад и вперед и налезает один на другого, ради последнего поцелуя отъезжающих; все одновременно и плачут и смеются, стараясь ободрить друзей, и в воздухе чувствуется такое волнение, что вы начинаете ощущать стеснение в горле и слезы навертываются на ваши глаза в момент отхода поезда. Где, кроме Ирландии, случится вам трястись по улицам на плохой таратайке, рядом с каким-нибудь молчаливым Джерви, который, узнавши вдруг, что за вами следят шпионы из «замка», делается разговорчивым и приветливым и начинает показывать вам по пути все, что может представить какой-нибудь интерес?

Да будут благословенны словоохотливость и теплые сердца этого народа, которым так легко руководить, но так трудно помыкать! Да будет благословенна древняя страна, некогда обитаемая могущественными мудрецами и превратившаяся в позднейшее время в остров святых! он еще превратится опять в остров мудрецов, когда колесо судьбы опишет полный круг.

Мой дедушка со стороны матери был типичный ирландец. В детстве я чувствовала к нему большое почтение и некоторый страх. Он принадлежал к захудалому ирландскому роду Морисов и в молодости очень весело прокутил вместе с своей красавицей женой, столь же легкомысленной как он сам, все оставшееся у него состояние. В старости, несмотря на белизну своих длинных и густых волос, он при малейшем поводе обнаруживал горячность ирландской крови, был вспыльчив до бешенства, но очень легко успокаивался. Мать моя была второй дочерью в многочисленной семье, все более и более увеличивающейся в то время, как денежные средства все более оскудевали. Моя мать взята была на воспитание своей незамужней теткой, память о которой перешла через детство моей матери в мое собственное и оказала влияние на склад характера обеих нас. Тетка эта, как большинство потомков захудалых родов в Ирландии, очень гордилась своим генеалогическим деревом, основание которого коренилось в неизбежных «королях». Специальные короли тетki были «Семь королей Франции», «Милезские короли»,

и дерево, показывавшее это происхождение, раскинулось во всем своем величии на пергаменте, который украшал камин скромной гостиной. Этот уродливый документ был предметом глубокого благоговения для маленькой Эмилии, благоговения совершенно незаслуженного, как я осмеливаюсь думать, недостойными королями, с которыми она, к счастью, была в самом отдаленном родстве. Изгнанные из Франции вероятно не без достаточного основания, они отправились морем в Ирландию и там продолжали вести свой беспутный, грабительский образ жизни. Но так удивительно изменяет все течение времени, что эти порочные и жестокие выходцы сделались чем-то в роде нравственного термометра в доме добродушной ирландской дамы первой половины нашего века. Мать моя рассказывала, что когда в детстве она совершала какой-нибудь проступок, тетка её поднимала глаза над очками и, окидывая строгим взглядом провинившуюся, говорила: «Эмилия, твое поведение недостойно происхождения от семи королей Франции». И Эмилия с своими серыми ирландскими глазами и густыми черными локонами принялась плакать от раскаяния и стыда за свое ничтожество; у неё шевелилось смутное сознание, что эти царственные, несомненные для неё, предки презирали бы ее, миниатюрную, милую девочку, столь недостойную их мнимого величия.

Эти фантастические тени прошлого имели сильное влияние на нее в детстве и заставляли ее бежать всего недостой-

ного и мелочного. Она готова была ценой всяких страданий спастись от малейшей тени бесчестья и привила мне, своей единственной дочери, тот же гордый и страстный ужас перед позором или заслуженным осуждением. Мне внушалось, что нужно всегда ходить с поднятой головой перед людьми и сохранять незапятнанное имя, потому что страдание можно перенести, но бесчестие никогда. Женщина хорошего круга должна предпочитать голодную смерть долгам; если у неё сердце разрывается от боли, она должна сохранять улыбку на лице. Я часто думала о том, что эти уроки замкнутости и горделивого чувства чести были странной подготовкой к моей бурной жизни, принесшей с собой столько осуждений и клевет; несомненно, что эта привитая мне с детства чувствительность к суждениям о мой личной чистоте и личной чести увеличивала мои страдания при столкновениях с возмущением общества; остроту этих страданий поймет только тот, кто прошел через такую же школу самоуважения, как я. И все-таки, быть может, мое воспитание привело еще к одному результату, перевешивающему по своему значению усиление страдания в жизни; во мне образовался настойчивый внутренний голос, поднимавшийся и внутренне устанавливающий чистоту моих намерений, когда меня касалась низкая ложь; он побуждал меня с презрением глядеть на врагов, не снисходить до оправданий или защиты своих действий, и говорить самой себе, когда наиболее громко раздавались осуждения: «я не такая, какой вы меня считаете, и ваш при-

говор не может изменить моей натуры. Вы не можете сделать меня низкой, что бы вы обо мне ни думали, и я никогда не стану в своих собственных глазах такой, как я вам теперь кажусь». Таким образом, гордость послужила мне щитом от нравственного унижения, потому что хотя я и потеряла уважение общества, я не могла бы стерпеть пятна на себе в собственных глазах – а это вещь не бесполезная для женщины, отрезанной, как я была одно время, от дома, друзей и общества. Поэтому мир праху старой тетушки и её бессмысленных королей, которым я все-таки кое-чем обязана. С благодарностью отношусь я к памяти этой никогда не виданной мною женщины за её заботы о воспитании моей матери, самой любящей и нежной, гордой и чистой из женщин. Как хорошо, если можно оглянуться на образ матери, как на идеал всего самого дорогого и высокого в детстве и первой юности, когда лицо её составляло красоту дома, а любовь её была и солнцем и щитом. Никакое позднее чувство в жизни не может загладить отсутствие идеальной привязанности между матерью и ребенком. У нас эта привязанность никогда не уменьшалась и не ослабевала. Хотя моя перемена веры и общественный остракизм, навлеченный этим, причинили ей большие страдания и ускорили даже её смерть, в наши сердечные отношения это не внесло ни малейшей тени; хотя против её просьб было труднее всего устоять в позднейшие годы и я терпела страшные муки в борьбе с нею, даже это не образовало пропасти между нами, не вносило холо-

да в наши взаимные отношения. И я думаю о ней сегодня с той же любовью и благодарностью, с какой относилась к ней при жизни. Я никогда не видела женщины более самоотверженно преданной тем, кого она любила, более страстно ненавидящей все мелкое и низкое, более чувствительной в вопросах чести, более твердой и вместе с тем более нежной. Она сделала мое детство светлым, как сказочный мир, она охраняла меня до самого моего замужества от всякого страдания, которое могла отстранить или перенести вместо меня и страдала больше чем я сама во все тяжелые минуты моей позднейшей жизни. Умерла она в мае 1874 года в маленьком домике, который я наняла для нас в Норвуде; горе, бедность и болезнь надорвали её силы до наступления старости.

Самые ранние мои воспоминания связаны с домом и садом в Гров-Роде Ст. Джонс Вуд, где мы жили, когда мне было три и четыре года. Я вспоминаю мать, хлопчущую около обеденного стола, чтобы придать всему уютный и приветливый вид к приходу мужа; мой брат, который на два года старше меня, и я – ждем папу; мы знаем, что он радостно поздоровается с нами, и что до обеда взрослых нам еще удастся поиграть и пошалить с ним. Я помню, как 1-го октября 1851 года я выскочила рано утром из моей маленькой кровати и торжествующим голосом провозгласила: «папа! мама! мне четыре года». В тот же день мой брат, понявший, что я сделалась в самом деле старше, спросил с значительным видом за обедом: «нельзя ли дать Анни сегодня нож, так-как ей ис-

полнилось четыре года?»

В том же 1851 г. я испытала большое огорчение, когда меня не повели на выставку, находя, что я еще слишком мала; смутно помню, как брат, чтобы утешить меня, принес мне разноцветную складывающуюся картинку, изображавшую все прелести выставки, так что мое любопытство еще сильнее разгорелось. Какие все это отдаленные, бедные, ничего не значащие воспоминания. Какая жалость, что ребенок не может подмечать и наблюдать, не может запоминать и таким образом пролить свет на то, как зарождаются впечатления внешнего мира в человеческом сознании. Если бы только мы могли вспомнить вид предметов, когда они впервые отпечатались на нашей сетчатой оболочке; если бы вспомнить, что мы чувствовали, когда впервые стали относиться сознательно к внешнему миру, когда лица отца и матери начали выделяться из окружающего хаоса и делаться знакомыми предметами, появление которых вызывает улыбку, а исчезновение – плач; если бы только память не облекалась туманом, когда в позднейшие годы мы хотим вернуться мыслью назад, в темную пору детства, сколько бы мы вынесли уроков на пользу бродящей теперь в потемках психологии, как много вопросов могли бы быть разрешены, ответов на которые мы напрасно добиваемся на западе.

Следующая сцена, ясно выступающая в моей памяти на фоне прошлого, относится ко времени смерти отца. События, послужившие причиной его смерти, известны мне из

рассказов матери. Отец мой всю свою жизнь продолжал любить профессию, к которой готовился в юности; имея много знакомых среди медиков, он иногда ходил с ними по больницам или работал в анатомическом театре. Случилось раз, что, вскрывая труп человека, умершего от скоротечной чахотки, отец мой порезал себе палец о край грудной кости. Рана залечивалась с большим трудом, палец распух и был сильно воспален. «Я бы на вашем месте, Вуд, дал себе ампутировать палец», сказал один знакомый хирург, осмотревший палец через несколько дней. Но другие стали смеяться над его советом, и отец мой, хотевший было согласиться на ампутацию, решил предоставить дело природе.

Около половины августа 1852 г. он промок, ехавши в дождь на империале омнибуса, и схватил сильную простуду, легшую ему на грудь. Призван был один из знаменитых тогдашних докторов, столь же искусный в своем деле, как грубый в обращении. Он внимательно осмотрел отца, выслушал грудь и вышел из комнаты в сопровождении матери. «Что же с ним такое?» спросила она, без особенного волнения ожидая ответа и думая только, что мужу будет неприятно просидеть несколько времени дома без дела. «Не падайте духом», последовал неосторожный ответ доктора. «У него скоротечная чахотка и он не проживет более шести недель». Мать моя подалась назад при этих словах и упала наземь, как камень. Но любовь одержала верх над горем, и через полчаса она опять была у постели мужа, не отступая уже от него ни

днем, ни ночью до самой его смерти.

Меня подняли к нему на кровать, «чтобы попрощаться с дорогим папой», за день до его смерти, и я помню, как я испугалась его широко раскрытых глаз и странного голоса, которым он брал с меня обещание слушаться и любить маму, потому что папы уже больше не будет. Помню, как я настаивала на том, чтобы папа поцеловал Шерри, куклу, которую я получила от него в подарок за несколько дней до того, и как я стала плакать и сопротивляться, когда меня хотели увести из комнаты. Отец умер на следующий день, 30 октября; меня с братом отправили к бабушке, отцу матери, и мы вернулись домой только через день после похорон. Когда наступил момент смерти, силы оставили мою мать и ее вынесли без чувств из комнаты. Мне рассказывали потом, что, придя в себя, она стала настойчиво требовать, чтобы ее оставили одну, и заперлась в своей комнате на ночь; на следующее утро мать её, убедивши наконец дочь впустить ее к себе в комнату, отшатнулась при взгляде на нее и крикнула: «Боже, Эмилия, да ведь ты совсем седая!» Так оно и было; черная, блестящая масса её волос, придававших особую прелесть её лицу своим контрастом с большими серыми глазами, поседела от страданий этой ночи; в моих воспоминаниях лицо матери представляется всегда в рамке серебристых, гладко зачесанных волос, белых как только что выпавший снег.

Я слыхала от других, что взаимная любовь моих родителей была чем-то истинно прекрасным, и несомненно, что

это отразилось на характере матери во всю её дальнейшую жизнь. Отец был человеком в высшей степени интеллигентным и блестяще образованным; математик и вместе с тем знаток классических языков, он владел в совершенстве французским, немецким, итальянским, испанским и португальским, знал немного древне-еврейский и древне-ирландский, и увлекался изучением древних и новых литератур. Он больше всего любил сидеть с женой, читая ей вслух в то время как она работала, то переводя какого-нибудь иностранного поэта, то мелодично передавая звучные строфы «Queen Mab». Много занимаясь философией, он проникся глубоким скептицизмом; мне рассказывал один очень религиозный родственник, что матери моей приходилось часто выходить из комнаты, чтобы не слушать его легкомысленных насмешек над догматами христианской церкви.

Его мать и сестра были строгими католичками и когда он умирал ввели священника в его комнату; последнему однако пришлось сейчас же удалиться, в виду гнева умирающего и настойчивости жены, решившей не допускать к мужу вестника ненавистной ему религии, чтобы не омрачать его последних минут.

Очень начитанный в области философских знаний, отец мой был выше ортодоксальной религии своего времени; а его жена, безграничная любовь которой исключала всякую критику, старалась согласовать свою религиозность с его скептицизмом, говоря, что «женщина должна быть набожной», а

мужчина имеет право все читать и думать что угодно, лишь бы он оставался при этом честным и порядочным человеком. Но результатом его свободных взглядов на религию было постепенное изменение её верований и некоторые уступки рационализму. В позднейшие годы она с удовольствием читала произведения таких людей, как Джоуэт, Колензо, Стэнли. Последний из них казался ей идеалом джентльменства в христианстве, мягкости, широты взглядов и красивого благочестия. Нагота обычного евангелического богослужения оскорбляла её вкус так же, как бездоказательность евангелических принципов возмущала её рассудок. Она любила сознавать свое христианство в возвышающей и художественной обстановке, принимать участие в богослужении среди торжественной музыки и в художественно построенных храмах.

Вестминстерское аббатство было её любимой церковью, благодаря царящему в нем полумраку и торжественности; резные кресла, в которых размещается хор и откуда раздается мерное пение, красота разноцветных окон, выступающих арок, сплоченных в отдельные группы колонн, богатая гармония органных звуков, прах великих людей прошлого вокруг, память о прошлом, составляющая как бы часть самого строения – все это придавало в её глазах особую величавость религии, возвышало её душу.

Мне, относившейся к религии более страстно, такая элегантная и утонченная набожность казалась опасной для ис-

тинной веры; ее же неприятно поражала горячность моей веры и проявления её в жизни; ей это казалось крайностью, несоответствующей изящному равновесию, которым должна обладать благородная женщина. Она была человеком старых понятий, я же по природе принадлежала к фанатическим натурам. Я часто думаю, возвращаясь в мыслях к прошлому, что у неё нередко просилась наружу не высказываемая никогда фраза, которая вырвалась наконец пред самой смертью: «дорогая моя», сказала она, «ты не огорчала меня никогда ничем кроме твоих собственных страданий; ты всегда была слишком полна мыслью о религии». И после того, она прошептала как бы про себя: «Да, в этом несчастье Анни; она слишком религиозна». Мне кажется, что голос умирающей матери сказал истину, и умирающие глаза обнаружили глубокую проницательность. Хотя в тот момент, когда я стояла на коленях пред её кроватью, я была еретичкой, от которой отшатнулось общество. Сердце мое полно было веры, сказавшейся в страстности моего отрицания религии и революционном протесте против догматов, унижающих разум и не удовлетворяющих душу. Я ушла одна в мрак не потому, что религия была мне недоступна, а потому, что она была недостаточна для меня; она была слишком ничтожна, банальна, слишком малого требовала для себя, слишком много сообразовалась с земными интересами, была слишком расчетлива в своих компромиссах с общественными условиями. Римско-католическая церковь, если бы она овладела мною, как

это чуть-чуть не случилось, поручила бы мне какую-нибудь опасную и требующую жертв миссию и сделала бы из меня мученицу; церковь, установленная законом, превратила меня в неверующую и в врага религии.

Ребенком я была склонна к мистицизму и мое воображение было сильно развито в религиозном направлении; я даже обладала в некоторой степени способностью видеть видения и необыкновенные сны. Эта способность присуща всем кельтическим расам и делает их «суеверными» в глазах более нормальных народов. Так, в день похорон моего отца, мать моя сидела с широко открытыми, глядящими в одну точку глазами и с напряженным бледным лицом – этот образ до сих пор не изгладился из моей памяти, до того сильно он подействовал на детское воображение – она мысленно следила за погребальным шествием шаг-за-шагом, и вдруг с громким криком «теперь все кончено» упала без чувств. Она потом рассказывала, что следовала за гробом, присутствовала при панихиде и проводила гроб до могилы. Достоверен, во всяком случае, следующий факт: несколько недель спустя, она отправилась на кладбище в Кенсэль-Грине, где похоронен был её муж, и ее сопровождал один родственник; он не смог найти могилы, и в то время как другой кто-то пошел справиться у сторожа, мать моя сказала: «Если вы только можете привести меня к часовне, где происходила первая часть службы, я найду сама могилу». Эта мысль показалась, конечно, нелепой её провожатому, но он не хотел спорить с

удрученной своим горем вдовой и привел ее в часовню. Она оглянулась вокруг себя, вышла из дверей часовни и пошла по дороге, по которой несли гроб, и дошла таким образом до самой могилы, где ее застал её знакомый, пришедший указать место. Могила была на некотором расстоянии от часовни и не находилась на одной из главных аллей; она была обозначена только небольшим деревянным шестом с номером на нем, но на расстоянии это не могло облегчить поисков, потому что все могилы обозначены одинаково и шестов не видно издали. Как она отыскала могилу, осталось неразгаданной тайной в семье, потому что, конечно, никто не поверил её чистосердечному рассказу о том, что она присутствовала на похоронах. Для моих теперешних знаний это объясняется очень просто, я теперь знаю, что сознание может покидать тело, принимать участие в событиях, происходящих на расстоянии, и при возвращении передавать физическому сознанию свои впечатления. То обстоятельство, что она просила провести ее в часовню, имеет большое значение, доказывая что в ней пробуждалось воспоминание о том, что она прежде уже шла с этого места к могиле; она могла найти могилу только в том случае, если выйдет из того же места, из которого выходила раньше. Другое проявление этой превышающей физические законы способности было несколько месяцев спустя, когда мой маленький братишка, тосковавший и плакавший до изнеможения «о папе», заснул у неё на руках. На следующее утро она сказала своей сестре: ««Альфа»

скоро умрет». У ребенка не было никакой определенной болезни, но он заметно таял и ее старались утешить надеждой на то, что с наступлением весны к нему вернется утраченное за зиму здоровье. «Нет», отвечала она. «Ребенок спал около меня в прошлую ночь, и я видела Вильяма (т. е. её мужа), который сказал мне, что хочет иметь Альфа около себя, но что двое других могут остаться со мной». Напрасно ее уверяли, что это ей приснилось, что совершенно естественно видеть ей во сне мужа, о котором она постоянно думает, и что её тревога о ребенке объясняет содержание сна. Ничто не могло разубедить ее в том, что она видела мужа, и что сказанное им должно исполниться. Она поэтому не была поражена когда в ближайшем марте в колыбельке ребенка лежала безжизненная восковая фигурка.

Мне с братом позволили взглянуть на умершего ребенка прежде чем его положили в гроб; я вижу его до сих пор, бледного и прекрасного, с черным пятном посредине белого воскового лба, и я помню мертвенный холод охвативший меня, когда я поцеловала маленького брата. Я в первый раз коснулась смерти. Черное пятно произвело на меня странное впечатление, и только много времени спустя я узнала отчего оно произошло. Мне рассказали, что как только ребенок умер, мать страстно поцеловала его в лоб. Какая страшная мысль, что прощальный поцелуй матери отпечатлелся первым признаком разложения на лице ребенка!

Я упоминаю об этих детских впечатлениях не потому

что считаю их замечательными или необыкновенными; они только показывают, что восприимчивость к впечатлениям нефизического свойства, была одной из характерных черт моего детства, и существовала также в других членах моей семьи. Мы получаем в наследство от родителей свою физическую природу, а восприимчивость к психическим ощущениям составляет одно из свойств физической природы; в нашей семье, как почти во всех ирландских семьях, все верили в «духов»; мать моя рассказывала мне, как она слышала жалобный плач домашней феи пред смертью кого-то из членов семьи. Для меня в детстве всякие эльфы и феи были реальными существами и мои куклы казались мне такими же детьми, как я сама. Марионетки были для меня живыми созданиями и трагедии, которые они разыгрывали, стоили мне много слез; до сих пор помню, как я раз убежала при виде приближающегося кукольного театра, и зарылась в подушки у себя в комнате, чтобы не слышать как будут бить угнетенного ребенка в представляемой драме и как он будет плакать. Все предметы, окружающие меня, казались мне живыми, я целовала цветы с тем же чувством, как ласкала котят, и чудесно проводила время, переживая всевозможные выдуманные сказки среди моих игрушек, только считавшихся неодушевленными. Но в этой жизни среди созданий фантазии сказалась серьезная сторона, когда в нее вмешался элемент религии.

Глава II

Для матери моей началось теперь время борьбы и забот. До того, со времени своего замужества, она не знала денежных забот, потому что её муж зарабатывал вполне достаточно для своей семьи; он казался на вид очень здоровым и сильным и никакая забота не омрачала их мыслей о будущем. Умирая он был уверен, что оставляет жену и детей обеспеченными, по крайней мере, от денежных затруднений. В этом он ошибся. Я не знаю никаких подробностей, но знаю, что когда все выяснилось, вдове и детям ничего не осталось, кроме незначительной суммы наличных денег. Решение, к которому мать моя пришла в виду этих обстоятельств, очень характерно. Два родственника её мужа, Вестерн и сэр Вильям Вуд, предлагали ей воспитать её сына на свой счет, отдать его в хорошую городскую школу, а потом помочь ему сделаться коммерсантом, содействуя ему своим влиянием в лондонских деловых сферах. Но отец и мать мальчика рисовали себе совершенно иным будущее старшего сына; его готовили к поступлению в одну из специальных школ, а затем в университет; он должен был избрать одну из «ученых профессий», — сделаться пастором, как этого желала мать, или юристом, как надеялся отец. Чувствуя близость смерти, отец мой ни на чем так не настаивал, как на том, чтобы Гэри получил как можно лучшее воспитание, и вдова его твер-

до решила исполнить это последнее желание. В её глазах городская школа не была «самым лучшим воспитанием», и ирландская гордость возмущалась при мысли, что сын её не будет «университетским человеком». На голову молодой вдовы посыпалось множество попреков за её «глупую гордость», особенно усердствовали женские члены семьи Вудов, и её непоколебимость в следовании своему решению послужила предметом сильного взаимного охлаждения между ними и ею. Но Вестерн и Вильям, хотя тоже осуждали ее до некоторой степени, все таки остались её друзьями и оказывали ей помощь на первых порах её тяжелой борьбы. После долгих размышлений, она решила, что сын её будет воспитываться в Гарроу, где плата сравнительно недорого для приходящих учеников, и что потом он отправится в Кембридж или в Оксфорд, смотря по тому, какое направление примут его интеллектуальные вкусы. Это было смелой программой для вдовы без всяких средств, но она выполнила ее целиком, потому что трудно себе представить более твердую волю в слабом теле, чем у моей матери.

Через несколько месяцев мы перебрались в Гарроу, поселились временно в меблированных комнатах над фруктовой лавкой и мать моя принялась подыскивать подходящий для нас домик. Лавочник был человек чрезвычайно напыщенный, любил говорить длинными периодами и очень покровительствовал молодой вдове; мать моя вернулась раз домой и со смехом рассказала, как он ободрял ее, говоря, что он

надеется, что ей удастся устроиться, если она будет усердно работать. «Посмотрите на меня!» сказал он, надуваясь от сознания своей важности: — «я был когда-то бедным мальчишкой без гроша денег, а теперь я человек состоятельный и имею приморскую виллу, куда отправляюсь каждый вечер». Эта «приморская вилла» долго потешала нас, когда мы проходили мимо неё, отправляясь гулять. «Вот приморская вилла м-ра Х.», скажет кто-нибудь смеясь, и все вторили ему. Я тоже смеялась, чтобы не отстать от старших, хотя разница между пригородной и приморской виллой не была для меня яснее, чем для почтенного лавочника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.